

Заключение. А-социативная онтология

Что такое EuroOntology, если не серия картин, связь которых постоянно обсуждается в каждой из них? Быть может, это кино, в котором каждый кадр уже не может являться кадром, элементом кино, тот есть фотографией, картиной? При таком сравнении в голову приходит мысль, что вся гипотетическая область EuroOntology – лишь некое проникновение связи отдельных кадров в сам кадр, в его материальную и далее как будто уже не делимую основу. Но самое странное начинается тогда, когда это проникновение не способно более удерживаться внутри кадра, в его рамках, не нарушая при этом той истории, которая была и раньше, то есть при следовании посылке элементарного складывания кино, его базисного монтажа. Само связывание отдельных элементов (кадров) в EuroOntology изменяет сюжет, характер персонажей и даже кастинг фильма, просмотренного нами несчетное количество раз. Вся вопросительность ситуации в том, что здесь нет речи о некотором «обратном» эффекте, цепи взаимовоздействий или, тем более, связи части и целого. Обычно, в кинотеатре, застывшие картины оживают в результате равномерного вращения киноплёнки, но видимое движение (фигур, событий) напрямую не связано с техническими характеристиками киноаппарата, с лентопротяжкой. Тогда как в EuroOntology порой случается так, что видимые нами движения фигур могут в итоге сломать сам аппарат, привести к существенному и необратимому изменению принципов, свойств и технических показателей его работы. Так чем же может быть EuroOntology, кроме описания подобных (то есть неправдоподобных) эффектов? Может ли она прийти к собственному позитивному результату, или же ей осталось лишь заниматься чем-то, возможно, совершенно избыточным (например, морально устаревшей критикой «трансцендентализма»?).

Одной из характеристик EuroOntology является повышенное внимание к возможности получения общей философской теории, которая могла бы свести воедино результаты и предпосылки отдельных исследований. Такая теория должна была бы стать результатом, методологически обосновывающим все, что осталось за ней, что удерживается за ее спиной в качестве надежного тыла. В качестве ведущей версии такого сведения была представлена «трансцендентальная» работа, расшифровке и критике способностей которой было уделено немало места. Но критика в рамках EuroOntology, в действительности, уже не может называться «собственно» критикой, оказываясь чем-то вроде критики наизнанку, ведь любая трансцендентальная логика как раз и определяется по стремлению установить свое владычество в критических операциях, тогда как EuroOntology, напротив, пытается расторгнуть многолетний брак критики и трансцендентального механизма. «EuroOntology» как место тех теоретических трансформаций, которые руководствуются не столько логикой движения, сколько логикой *превращения* (то есть они могут *ни у кого и ни у чего не занимать никакого времени* – и именно поэтому они не выполняют своего трансцендентального «долга»), отмечает пункт, в котором уже не срабатывает стандартная система тройственного дарования-подавания – дарования места, права и времени. Несложно понять, что стремление к обобщению, выводу и «заключению» неотделимо от представленной в таком предельном варианте трансцендентальной логики и от логики вообще, поэтому EuroOntology, по-видимому, принуждена оставаться на своих частных, эмпирических, путях, которые могут так и не сойтись ни к одной из магистралей. Тем не менее, можно кратко обозначить некоторые из наиболее важных, с нашей точки зрения, путей движения

EuroOntology, которые позволяют определить относительное место каждого из исследований, выстроив картину, которая при всей своей запоздалости может принести определенное теоретическое удовлетворение.

Как уже было указано, первоначальное движение EuroOntology начинается с обнаружения нечеткого отношения «догматических» и «некритических» версий той или иной логики к ее очищенным, «трансцендентальным» вариантам («EuroOntology: *folk philosophy*»). Исследование такого отношения приводит к выводу, что при самых разных попытках описать его структуру (которая, естественно, работала бы на ТМ) остается возможность некоего «некритического» связывания, задающего правила следования внутри самой очищенной критикой логики. Любое «погружение» принуждено пользоваться элементами погружаемого, тем более что критические претензии теории направлены на объяснение самого возникновения «некритического материала». ТМ все время играет роль хорошего мальчика, который *связался* с плохой компанией, и в этом все его беды. Сам по себе такой эффект может говорить о слабой степени обобщенности и проработанности логики, однако, в своем предельном варианте он свидетельствует о том, что любая строго логическая связь, логическая «социация», подвергается в месте действия EuroOntology «а-социации», то есть разложению и *развязыванию*, которое действует путем дополнительного и неконтролируемого трансцендентальными механизмами *связывания*. Плохая компания ТМ – это как раз и есть «предмет» EuroOntology.

Для «трансцендентального» опасным представляется не разложение как таковое и не крах, а ассоциативная, случайная связь, которой нет места, законы которой остаются непроясненными и логически недостоверными. На эти «опасные связи» налагается запретительный вердикт, которые выглядят и как императив, и как заклинание, и как описание. Вся логика ТМ, как и логика частных функциональных описаний («Узловой момент»), стремится выделить «базовые», ведущие логические связки и отбросить все «ненужное» (селекция ТМ может осуществляться не только в «произвольных» актах критики, но и в имплицитно введенных способах аргументации, согласно которым она обеспечивается некоторыми онтологическими требованиями, например, собственным существованием: ведущая трансцендентальная логика в таком случае наделяется привилегией по принципу своего превосходства над всеми иными версиями, погибшими в эволюционной борьбе). Эта элиминативистская программа сталкивается с той трудностью, что в процессе элиминации и редукции приходится иметь дело с редуцируемым, а *иметь дело* – это в данном случае и значит «иметь связи», которые уже задаются некоторой а-социативной логикой, а не искомой логикой трансцендентального связывания, синтеза. А-социация выступает, таким образом, как нечто «предшествующее» по отношению к самому *apriori*, причем механизм такого эмпирического предшествования может быть исследован по ряду нетривиальных ситуаций в работе ТМ – трансцендентальному запаздыванию, изнанке трансцендентального стазиса («Похудеть навсегда»), отсоединению отдельных узлов ТМ и их превращению в его продукты и т.п.

Если, как было показано, критически оформленный ТМ принужден пользоваться в процессе критики некритически освоенными элементами «догматизма», то возникает вопрос: нельзя ли просто переписать «design», устройство ТМ так, чтобы элементы и работа самой этой а-социации выступали в качестве базовых? Если в сеть все время попадает непригодная к пище золотая рыбка, то, быть может, в конце концов, она все-таки согласится быть у нас на посылках? И раз уж а-социация заявляет о себе одновременно и в «деструкции» логики, и в

ее «продукции», то, возможно, она-то и является искомой трансцендентальной логикой. Получает также свое место гипотеза, согласно которой «эмпирическое» связывание а-социации представляет собой «факт» или само бытие, *фактичность* логики, выступая ее неким предельным ресурсом (то есть в таких «онтологических» версиях, а-социация является уже не случайным сбоем ТМ, а его собственным существованием, которое обеспечивает и его работу, и его сбой, выступая в виде некоторой сверхлогики, программирующей возможные будущие неудачи). Другими словами, сам «факт» или ресурс, пусть и эксплицируемые в терминах а-социативного связывания, истолковываются по линии совмещения «общего» и «трансцендентального», так что прежняя работа ТМ будет представляться просто в качестве продолжения, экспликации или следствия ресурсного и фундирующего а-социативного *синтеза*: «следование» работы ТМ из а-социативной «логики» должно быть когерентно самой этой логике, то есть схема ТМ должна из неё *дедуцироваться*. Казалось бы, изучение эффектов EuroOntology дает шанс повторной дедукции трансцендентального из сверхтрансцендентальной а-социации. То есть возникает почти непреодолимый соблазн повторения трансцендентального хода, свойственного всей европейской философии: нужно просто выйти за пределы неосновной трансцендентальной (онтолого-когнитивной) логики к подрывающим ее элементам для того, чтобы, обобщив их, и, выяснив систему их связывания, задать новую, предельно общую логическую и онтологическую схематику.

EuroOntology утверждает невозможность осуществления такого соблазнительного желания. В известном смысле выводы EuroOntology не запрещают, конечно, продления трансцендентальных попыток, которые руководствуются правилом «не получилось раз – получится в следующий», в научном отношении представляющимся весьма сомнительным. Указанная существенная невозможность представляет собой, скорее, не запрет, а попытку продуктивного подхода к множасьимся неудачам. Невозможность обращения а-социативного связывания в трансцендентальную игру отсылает к следующим аргументам. А-социативная связь характеризуется не только тем, что связываются некие *неопознанные элементы*, но еще и тем, что сам способ связи выглядит некритичным и непроверенным, то есть возникает вопрос – а *связь ли это* вообще, достаточно ли она крепка, чтобы претендовать на логические, онтологические и, в конечном счете, трансцендентальные привилегии. Иначе говоря, в а-социации связь может осуществляться *каждый раз как-то иначе*, так что каждый способ а-социации становится *развязыванием* какого-то иного, трансцендентально оформленного способа. В новом – а-социативном – связывании трансцендентальная логика *не узнает* связывания как такового, оно представляется ей либо (а) простой деструкцией установленных принципов связи, либо (б) неверным подобием, подделкой настоящего трансцендентального синтеза, либо же (в) примитивным и докритичным вариантом такого синтеза.

В отличие от а-социативной связи, работа ТМ всегда центрируется на принципе *основания* – любая связь должна осуществляться так, чтобы в ней прослеживался тот *тип связывания*, без которого она просто невозможна, то есть в ТМ а-социативная связь логически распадается на две связи – саму связь как таковую (закон, *условие*) и ее пример. В таком элементарном расщеплении, которое может отправляться от а-социативной связи, последняя отрицается в пользу искомого условия, производимом в самом отрицании: эмпирическая связь должна произвести (или, вернее, показать) некоторое условие, которое даст место отправной эмпирической связи, то есть трансцендентальная логика

выступает в качестве акта *самоаффицирования*, предоставления места самому себе («КІ и отрицание»). В трансцендентальном выделении каждая связь становится своим собственным *пространством*, которое помещает эту связь в себя, никак не отличаясь (в плане содержания) от неё самой. Такое замыкание описывает предельную логику организации трансцендентальной связи, логику, которая всегда приступает к определенной экономизации времени, ведь условие необходимым образом претендует на некоторое первенство, так что отправная а-социативная связь отсылает свое условие в прошлое – но только для того, чтобы как-то состояться в настоящем (обнаруживая свое пространство условий). Ситуация в какой-то мере (если отвлечься от соотношения временных планов и логических) напоминает известный сюжетный ход, когда герой, передвигающийся на машине времени, обнаруживает, что только некое его деяние в прошлом (к которому она ранее – до изобретения своей машины времени – не имел никакого отношения) обеспечивает какой-то (возможно, самый привычный или самый случайный) факт его *отправной* жизни.

ТМ требует не просто опознания некоторой связи, но ее «признания», то есть любая связь должна быть признана – она всегда выступает в качестве своего собственного примерного (или показательного) *повторения*, которое направляет логику признания, рекогниции. Трансцендентальная связь существует так, что она *заранее связывает* саму себя и весь тот *эмпирический* материал, который подвергается ее воздействию. Генерализирующее описание иной, подозрительной, связи не может достичь своей цели именно потому, что оно стремится представить ее в качестве некоторого устойчивого правила и закона, то есть, в пределе, не в качестве связи, а в качестве некоторого *элемента*, который должен содержательно управлять самой системой связывания: установленная и критически проверенная связь легко выделяется в качестве *модели*, которая требует своего повторения во всех иных типах связывания (другой вопрос, что такая модель может соотноситься с критически проверенными типами связывания не напрямую, на деле оказываясь лишь пустым залогом некоторого множества выделенных по каким-то критериям видов трансцендентальных связей). Обобщение системы а-социации должно было бы определить и ограничить – узнать и признать – способ ее связывания, что отменяет а-социацию как таковую, редуцирует ее к трансцендентальной игре.

Трансцендентальная логика пытается выдать некоторое множество «устойчивых узлов», которые выполняют возложенные на них функции, тогда как а-социативные узлы либо представляются ложными, либо опознаются в качестве вариантов истинных узлов, либо же, наконец, сами становятся их ведущими моделями. В противовес ей, а-социация (которая, строго говоря, не может считаться *логикой*) предполагает негенерализуемое движение связывания, «логика» которого может быть только «эмпирической». Таким образом, в соблазне бесконечного продления работы ТМ и действиях, направленных на осуществление его содержания, мы сталкиваемся даже не с распространением трансцендентального хода, а с его реанимацией, попыткой попасть в ту же самую мишень: как показывают примеры соотношения критики и «некритического» догматизма, ходы трансцендентального схватывания, как правило, отсылают к уже существующим, но непроясненным по своим принципам способам онтологического и логического «синтеза» (например, попытки Канта отсылают к уже данным способам причинного объяснения, связывания, которые, конечно, ни в коей мере не претендуют на трансцендентальную роль).

С точки зрения EuroOntology, трудности в работе ТМ имеют гораздо более «фундаментальный» характер, нежели сама логика фундаментальности: а-социативное связывание всегда *предваряет* саму логику «априорного предварения» или первенства, которое предполагает, что в систему связывания попадает только то, что строится по этой системе. Однако, философская логика может поставить в тупик все попытки продуктивной экспликации EuroOntology именно потому, что она сама всегда явно или неявно руководствуется связной логикой «предшествования», «первенства» и «условия». Даже теории, открыто заявляющие о своем критическом отношении к подобным направляющим моментам философии (например, деконструкция), отказавшись от идеи «начала» или «принципа», попадают в гораздо более хитрую трансцендентальную ловушку, для действия которой достаточно того, что любой *предел* той или иной логики становится ее же обиталищем, «местом помещения» или «испомещением» (этот эффект продемонстрирован на примере «хоры», «письма» и «следа» в текстах второй части, рассматривающих проблему *размера*).

В отличие от таких теорий, EuroOntology стремится как можно более внимательно относиться к проблемам *теоретического повтора*, возникающего в ситуациях а-социативного связывания. Этот повтор представляется следствием единственно возможной философской логики, которая не может сделать ничего, кроме как повторить саму себя. Казалось бы, выходом для EuroOntology является объявление а-социативных механизмов неким «носителем» или «бытием» ТМ и трансцендентальной логики, которая именно в силу действия такого «бытия» никогда не может быть полной. Подобная неполнота представляется достаточной критической корректировкой трансцендентальной логики, которая отныне гарантирована именно самим своим несовершенством, то есть связанностью с неким непрозрачным механизмом онтологического а-социативного связывания. При этом *стратегически* пропускается два пункта: во-первых, «бытие» само становится неким трансцендентальным залогом осуществления логических связей, которые сами по себе либо не претерпевают никакого теоретического изменения, либо же просто меняют свой статус и центрацию, не меняя содержания своей работы; во-вторых, «бытие» (или а-социация) само начинает носить «служебный», «добавочный» характер, то есть представляться «приставкой» или ресурсом логики, который принужден работать только в одном направлении – в направлении фундирования этой логики. Неявным образом открывшийся было предел трансцендентального исследования оказывается им же поработан. Предел обобщается в *приделе*, который буквально приделывается к ТМ. Но самое главное даже не в таком рабстве или обобщении, а в невозможности его сохранения: неизбежно начинают обнаруживаться эффекты, которые когда-то привели к его установлению. Экономическая система воспроизводит одни и те же «кризисы», которые она как раз была призвана устранить. Такая экономия *залога логики* может принять а-социативную связь только в качестве «примера», продукта, значимость которого обеспечена его возможной трансцендентальной сублимацией.

Но если EuroOntology пытается отойти от такого рода теоретических конструкций, то что же придется на ее долю, кроме постулата об а-социативном связывании? Двигаясь по направлению к предельно общему выводу, возможность которого существенным образом оспорена самой EuroOntology, можно заметить, что одним из главных следствий гипотезы а-социации является тезис о «размере». Как было показано во второй части, «размер» является самым действием, обнаружением EuroOntology – ее центральным

онтологическим и эпистемологическим эффектом. Заметим, что поскольку все следствия и эффекты EuroOntology удастся проследить только в косвенном режиме рассмотрения, размер также относится к такому непрямому режиму исследований – именно поэтому не так просто достичь его четкого определения.

В отношении с логикой размер задает место, намеченное в уже указанном «бытийном» расхождении ТМ с его собственным существованием: бытие некоторой логики уже не может быть ее содержательным или формальным ресурсом-основанием, оказываясь лишь следствием а-социативного связывания, законы которого осаждаются и отбираются *post factum* (в том числе и в философской критике). Отсюда можно вывести предельное понятие «размера логики», которое может быть продемонстрировано только в конкретных исследованиях. Здесь же стоит заметить лишь следующее. Размер логики уже не может быть (так же, как и а-социативное онтологическое связывание) иной логикой или даже «иным логики». Такое «иное» всегда оказывается привязанным к логике, приводя к бесконечному трансцендентальному расщеплению на «условие», логику и «обусловленное», логичное. Предел такого расщепления как раз и наблюдается в выделении «фундаментального» понятия бытия, когда, например, бытие Dasein все еще мыслится в качестве содержательного обоснования или, скорее, залога содержания функционального онтологического связывания (то есть его выделенного, преимущественного способа).

Исходя из тезиса о размере, как он был прояснен в отдельных текстах, собранных в этой книге, мы полагаем, что размер покидает содержательность фундаментального определения, предполагая переход к «сокрытию» собственно онтологического различия – различия множасихся функциональных описаний («Узловой момент»). Другими словами, Dasein может выступать в качестве «размера логики», но такая посылка носит характер некоторой «добавки», по отношению к которой сама логика выглядит в качестве «необоснованного» остатка. Если Dasein осуществляется в качестве просто набора правил функционального определения, то его роль вообще неясна – он оказывается излишним, дополнительным проводником этой «бытийной» функциональной связи, которая может, разве что, вручаться и дароваться человеку. Возвращение темы «дара» в тему бытия кажется нам, поэтому, весьма симптоматичным: если бы Dasein не мыслился в качестве такового содержательного ресурса, то не было и никакого возвращения трансцендентально истолкованного дара – «правого» дара места и времени. Только трансцендентально-ресурсное обращение Dasein'a выводит его из игры, тогда как размерная трактовка вводит заново – но уже в совсем ином обличье. Это обличье определяется размером. Dasein необходим не в качестве содержательного залога функционального определения (такой залог легко отождествим с самим бытием, принимающим характер тотальной сверхтрансцендентальной логики), некоего «основания», прояснение которого в герменевтическом круге позволяет прояснить определение онтологического связывания, а в качестве точки размерного действия, то есть выборки и освоения одного ведущего – фундаментального – функционального описания из множества возможных. Сама эта выборка уже не может быть обеспечена какими бы то ни было содержательными критериями. Таким образом, место Dasein задается по двойному действию размера: размер раскрывает саму открытость, предполагая умножение функциональных описаний, в которых каждый из элементов «сущего» может стать их новым «шифром», но в Dasein эта «размерная» открытость замыкается и ограничивается, сходя на нет.

Механизм такого замыкания не может быть объяснен какими бы то ни было содержательными или фундаментальными ресурсами, поскольку Dasein как раз и будет выполнять функцию блокировки таких «круговых» объяснений (согласно которым, к примеру, выборка данного функционального описания соответствует или экзистенциальной структуре Dasein, или осуществляет некий план самого бытия, являясь его «судьбой»). Размер в Dasein носит именно размерный характер: устанавливаемая мера сущего всегда открывается в раз-мере, но он же должен быть скрыт для ее установления. Это скрытие, как уже было указано (в частности, в «Расчудесном механизме»), не носит какого-то негативного характера, поскольку, по «логике» размера, мы ничего не могли бы узнать в скрытом – размер не скрывает в своем сокрытии какой бы то ни было тайны, то есть такое сокрытие (или утайка) носит полностью эмпирический характер. Любой вопрос о том, «почему» Dasein осаждаёт и выбирает именно такое функциональное описание (или такой его род), стремится затушевать действие размера неизвестно откуда появившимися содержательными ресурсами, которые всегда работают по тавтологической схеме. В отличие от этих ресурсов, размер, работа которого отсылает к а-социативному связыванию, не тавтологичен, а гетерологичен и гетерогенен (как это было показано на примере работы морального закона, описанной в текстах о «KI»): вопросы о «причинах» и смысле того или иного функционального задания бытия берутся из обобщения отдельных способов а-социативного связывания, местом группировки (определимой сокрытием действия размера) которых оказывается Dasein.

Последние тезисы показывают, что действие размера каким-то образом связано с вопросом об «основании» и обосновании как таковом – независимо от того, выполняется ли оно в форме причинного обоснования, телеологического или трансцендентально-условного. Философия обычно предпочитала изобретать разные способы обоснования и переходить к их пределам, за которыми должны были быть обнаружены некие способы сверх-обоснования. Фундирование в таком случае предполагается в качестве базового способа любого онтологического или логического связывания – будь оно «реальным» обоснованием или же только дискурсивным. Те трансформаций, которые философия испытала за последний век, так или иначе были связаны с изменением представлений о фундировании: после критики «натурального» фундирования (через начала, основания и причины, то есть фундирование *сзади* и *снизу*) и телеологического фундирования (*спереди* и *сверху*), осталось лишь «боковое» фундирование, которое пыталось освободиться от своих трансцендентальных коннотаций: дискурсивное, социальное или семиотическое. Что при этом реально совершается? Некая форма онтологической связи, уже не отсылающей непосредственно к понятию «основания», становится ведущим способом онтологического «открытия», то есть, может существовать только то, что обеспечено этими связями. Например, формой такой связи может быть «дополнение» или «письмо» вообще, задающееся логикой семиотических различий. Если ранее фундирующим элементом мог выступать какой-то принцип или начало, последовательно развертываемое в своих следствиях, то теперь сама развертка (или, точнее, пространство ее организации) выступает в качестве необходимого условия различения начального и производного, причем сама начало, естественно, теряет свои начальственные права. Организация развертки, тем не менее, все равно выступает в качестве способа выстраивания ведущих онтологических связей, которые не могут не выполняться. В противоположность такому движению, размер и а-социативное связывание выходят за границы любой попытки ограничения «свя-

зей», каковое ограничение только и может произвести идею фундирования. Размер задает ту или иную логическую форму, но совершается это без ее «обоснования», поскольку любое обоснование (и его задача) «следует» из такой логики, осажженной в игре размера.

А-социативное связывание, предполагающее гетерогенность онтологических связей, через размер действует как «нересурсное фундирование» любой трансцендентальной логики, причем несложно заметить, что термин «нересурсное фундирование» строится на неявном оксюмороне: в самом деле, если нет того или иного «ресурса» (источника обоснования, который всегда возобновим), то нет и фундирования в его обычном, то есть философском, значении. Но все-таки этот термин может быть полезен для прояснения действия размера в отношении фундирования. Размер не выступает в качестве некоторого дополнительного фона или фонда, хотя его действие всегда опознается по некоторой «дополнительности». Он отсылает к возможному выделению из а-социативного связывания тех сингулярных связей, которые приобретают характер единственных способов обоснования как такового. В данном случае нас не интересует, ведется ли такое обоснование через обращение к «эйдосу», «причине», «условию», «бытию» или «письму». В любом случае размер действует двояко, причем в этом двояком действии и заключается вся особенность «нересурсного фундирования»: в месте регистрации «эффектов размера» наблюдается вычленение некоторых фундирующих механизмов, причем само это вычленение, их артикуляция не «обосновывается» чем-то иным, так что таким *отсутствием* умножающегося обоснования как раз и характеризуется «размер» как таковой. Размер фундирующего механизма относится к самому механизму как его выборка и сборка, которую нельзя описать, руководствуясь его рабочими требованиями, иначе говоря, работа этого механизма не является ни целью, ни следствием размерной выборки и размерной «утайки» (в которой становится незаметным а-социативное онтологическое связывание иного, «не фундирующего», образца). Артикулированность фундирующих механизмов, таким образом, всегда подвергается активной атаке со стороны размера, который служит неким передаточным элементом между а-социативным связыванием и выделенными артикуляциями логики и философии. Но такая атака не может быть описана как последовательность деструкций или, тем более, как просто «негативность», работающая над усложнением и развитием фундирующих схем и механизмов. Никакая логика смысла не может быть навязана размеру, который буквально «больше» смысла – его «большая величина» достигается именно тем, что он никогда не «погружает» смысл в себя, ведь операция погружения сама может быть выполнена только на различных логических или, вообще говоря, смысловых массах.

Из всего вышесказанного – и, главное, из различных текстов, приведенных в этой книге – следует, что EuroOntology имеет, несмотря на свои претензии к «общим» теориям, некий позитивный теоретический выход, который заслуживает отдельного наименования и отдельного рассмотрения. Этот выход лучше всего назвать А-социативной Онтологией (АО), которая характеризуется как тезисами, выписанными в этом заключении, так и рядом положений, доказанных в том или ином из исследований. АО принимает общий трансцендентальный постулат, гласящий, что «бытие» как таковое задается через «связь» или «связку», то есть все, что каким-то образом есть, существует «в связи» или «функционально». В таком виде АО представляется совершенно *формальной* онтологией, поскольку главным для неё оказывается *способ* связи, функция, а

не ее «переменные». Поддерживая некоторые трансцендентальные мотивы, АО, тем не менее, возвращается к ассоцианизму, понимаемому именно в *онтологическом* смысле.

Самой крупной трудностью, с которыми сталкивались исторические варианты ассоциативных теорий, обусловлены тем, что они, как правило, предполагали существование и связывание «ассоциаций» в некоей уже установленной, *региональной* сфере. То есть ассоциативные теории могли выполняться только в *онтическом* режиме. В таком случае характер связей и элементов заранее строго ограничивался (например, у Юма ассоциация осуществлялась в сфере перцепций), более того, предполагалось, что связываемые элементы (уже каким-то образом выделенные во вполне упорядоченное множество, род или онтологический регион) существуют и до ассоциативных связей. Ассоцианизм, таким образом, всегда превращался не в онтологию, а в натуралистическую философию, которая легко подвергается трансцендентальной критике. Такая критика (всегда выступающая в качестве «истины» натурализма или регионально выстроенной ассоциативной онтологии) на своем первом шагу вычленяет те неявные трансцендентальные послышки, которые могли бы позволить выделить определенный регион в качестве региона ассоциации. Затем показывается, что характер связей оказывается базовым по отношению к элементам, которые никак не могут существовать «автономно» (сама идея такой автономии является не более чем вариантом онтологического связывания). Другими словами, трансцендентальный поворот пользуется уже заключенным тайным договором между трансцендентальной логикой и усеченным вариантом ассоцианизма. Результаты такого договора вполне предсказуемы: ассоцианизм всегда оказывался в проигрыше. Можно заметить, что так называемые трансцендентальные повороты, разыгрывающиеся на регионально ограниченных ассоциативных онтологиях, в действительности пользуются работой размера – работой по ограничению онтологического, то есть а-социативного связывания. Осажденная через размер логика получает возможность трансцендентального обращения (или критики) только в силу утайки, представляющей собой компоненту работы размера – размер ограничивает функциональные онтологические связи и именно поэтому их ассоциация становится необнаружимой.

В отличие от таких традиционных ассоциативных моделей, АО показывает ассоциацию не выбранных элементов, а *самих способов связывания*, которые всегда оказываются разомкнутыми: АО не предполагает никакого трансцендентального определения *условий бытия* (вещей, предметов или когнитивных элементов). Трансцендентальная логика исходит из необходимости выделения неких ведущих форм связи, которые выполняют функцию «наделения местом», то есть такая логика всегда замыкается на логику связного пространства, согласно которой последнее истолковывается как «место мест», структурированная система связей, выполнение которых *по праву* обеспечивает местом. Естественно, что логика специализации обратима и в логику темпорализации («LuftSamsa»), так как в пределе они составляют одну и ту же логику: время также оказывается структурированной системой значимого «откладывания», «задержки», каковая система только и может вписать в себя все, что претендует на статус «сущего». АО же предполагает, что никакого трансцендентального пространства (или *формы* пространства) не может быть в принципе: места не *занимаются* в соответствии с выполнением структурных связей этого пространства, а *складываются* из осуществленных а-социативных связей. Иначе говоря, в АО нет никакого «права на место», то есть нет ни «фундаментальной»

(дающей право на места), ни «региональной» (местной и уместной) онтологий. Множественность онтологического связывания не позволяет выделить одну ведущую мета-форму, которая выполнялась бы везде и всегда, то есть АО отменяет необходимость действия единых экономических и онтологических законов связей.

Экономия в истолковании АО (например, в «Экономии времени») оказывается просто синонимом «трансцендентального» замыкания, дающего возможность обосновать тезис «из ничего и будет ничего», который, в свою очередь, позволяет из множества а-социативных связей выделить какие-то одни, предельно общие, и, в то же время, обеспечивающие задачи фундирования. В противоположность экономической игре (независимо от того, обычная ли это экономия или «большая и обобщенная»), АО показывает организацию некоторых элементов, которые всегда остаются «неэкономными», остаточными. Такие онтологические остатки обнаружимы при пересечении и столкновении различных способов онтологического связывания, то есть они возникают как следствие нормальной экономической работы, которая мыслит себя тотально. Поскольку экономия не подозревает о своей привязанности к работе «размера», она не может учитывать неэкономные, остаточные связи и элементы таких связей – их учет возможен только при их введении в саму экономию, то есть при извлечении из них определенной онтологической «прибыли». «Нерентабельные» элементы обрекаются на забвение и исключение, однако, как уже было замечено, любое исключение сталкивается с неясным разрушением тех самых механизмов, которые его осуществляют. Отличие АО от попыток выписывания обобщенной экономии теперь легко понять: оно состоит в том, что АО налагает принципиальный и продуктивный запрет на обобщение той или иной экономии, предполагая, что никакая общая экономия не может быть установлена. Одни экономические связи могут выглядеть «безосновательными» и неэкономными при переходе к иной экономии, но они ни в коем случае не оказываются связями «высшего порядка» или даже просто их «пределом». Таким образом, АО обходит как спекулятивное, так и деконструктивистское решение экономических и онтологических проблем. В АО не дано ни предельно обобщенного экономического предприятия, обещающего наибольший спекулятивный выигрыш, ни экономической «растраты», служащей в качестве ведущей онтологической игры, розыгрышу которой подвергаются все остальные способы связывания.

В конце заключения можно вернуться к поставленному во «Введении» вопросу, который теперь уже не представляет каких-то особых затруднений. Речь идет о сравнении АО (и EuroOntology в целом) с логикой маргиналий. С точки зрения EuroOntology, логика маргиналий (среди примеров которой наиболее известными являются логика симулякров и логика *дополнения*) является скрытой трансцендентальной логикой. Ее главная трудность заключается в том, что любой способ онтологического связывания (опознаваемый обычно просто как способ существования или же как некие не поддающиеся прежнему онтологическому расчету элементы) не просто исследуется в своем «маргинальном» положении, а представляется в качестве «края» той логики, которую он уже успел подорвать. «Слепое пятно» неэкономного синтеза представляется в качестве некоего «краевого» контекста, в который погружаются все прежние контексты, меняющие свою структуру идентичности, но при этом остающиеся на «собственном месте». Так, симуляция «производит» эйдетические отношения, оказываясь чем-то вроде «испомещения» идей. Маргинальная логика неминуемо привязана к идее «испомещения» – одновременно, и некоего места, про-

странства, помещения и процедуры, действия, выполняющегося по отношению к той системе, которая явно не может учитывать вновь открытые онтологические эффекты. Точно так же «спекулятивная логика» не может учитывать эффекты диссеминации, но последняя объявляется «пространством» самого *понятия*, местом его неуверенного производства. Трансцендентальные элементы маргинальных логик (кроме того, связанных обычно с аргументацией культурного порядка) делают из них противоположность АО, которая по отношению к ним выступает и в качестве критики, и в качестве единственного продолжения. Открытие «неэкономных» элементов, действительно, может стать чрезвычайно продуктивным философским методом, но лишь при условии, что результаты такого открытия не будут подвергаться прежней трактовке и не будут поставлены на службу той самой логике, которую они как будто бы опровергают. Любое исследование в области EuroOntology исходит из этой простой посылки, которую можно повторить следующим образом: раз некоторые элементы явно выпадают из онтологической экономии, эта экономия не может быть полной, но, в то же время, нельзя *обобщить экономию за счет* таких выпадающих элементов или остатков. Эти остатки указывают лишь на иные способы экономической и онтологической артикуляции, которые не могут ни выполнять служебные функции по отношению к отправным формам, ни стать некоторой сверхформой всех форм. Выявление остатков говорит в пользу того, что АО действительно является «онтологией остатков», а не *начал*, но эти остатки никогда не могут подхватить *начальную* эстафету. Вместо свойственных маргинальным логикам попыток возобновления прежней философской игры (правда, ведущейся в таком виде, что тождество этой игры установить весьма сложно) АО предлагает открыть остаточные элементы в качестве свидетельства действия ассоциативного онтологического связывания и размера, а не действия некоторой превосходящей наше воображение онтологической схемы.